

Р. А. Янсон

ПЕРИОДИЗАЦИЯ БИРМАНСКОЙ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ. ЧАСТЬ II: ФИНАЛИ

Для слоговых языков пока не выработана теория классификации финалей, хотя необходимость в ней остро ощущается. Финали представляют собой единицы очень разной структуры, насчитывая от одного (центральный) до трех (медиаля, центральный и терминаль) компонентов. Применительно к бирманскому языку исследователи так или иначе классифицируют финали-рифмы на группы, но принцип классификации при этом не получает теоретического обоснования. Известна классификация Р. Берлинга, согласно которой финали делятся на завершающиеся шумными согласными и все остальные. Основанием для такой классификации служит тот факт, что эволюция тонов в слогах с шумным завершением коренным образом отличается от таковой в других слогах [1, р. 6]. Данная классификация является просодически ориентированной, поэтому неясно, окажется ли она оправданной в сегментике. Другой исследователь, Д. Брэдли, делит финали на три группы: с шумными конечнослоговыми, с назальными конечнослоговыми и с гласным завершением, включая финали с конечными *w* и *y* [2, р. 177–202]. Данная классификация является чисто утилитарной, ибо основывается исключительно на внешних признаках финалей и игнорирует любые фонологические основания.

Представляется, что в бирманском языке наиболее глубокий водораздел проходит между открытыми и закрытыми финалями, поскольку первые демонстрируют стабильность и симметричность на всем протяжении своей эволюции, тогда как закрытые финали ведут себя нестабильно и претерпели существенные изменения в ходе эволюции. Кроме того, можно указать на то, что в своем развитии подсистема закрытых финалей стремилась к достижению симметрии по отношению к подсистеме открытых финалей, что будет показано в ходе дальнейшего изложения.

Приведем для сравнения подсистемы открытых финалей древнего и современного языков.

Открытые финали

Древний язык (XIII в.)

i *u*
e *o*
ai *au*
a

Плюс медиализованные варианты:

we, wa, wai

Современный язык

i *u*
e *o*
ɛ *ɔ*
a

Плюс медиализованные варианты:

we, wa, wɛ

Как видим, в течение анализируемого периода в подсистеме открытых финалей произошли совершенно незначительные изменения, а именно: древние дифтонги *ai* и *au* перешли в *ε* и *э*, что является естественным и предсказуемым сдвигом. Соответственно древняя медиализованная финаль *wai* перешла в *wε*. В графике изменения также оказались минимальными. Гласный [o] передавался в древнем языке сочетанием *iuw*, но к XIX в. конечный *w* был отменен, и в современном языке функционирует лишь графическая комбинация *iu*. Сложное графическое отображение гласного *o* было введено бирманцами, поскольку в заимствованном алфавите специального знака для передачи закрытого *o* не было, а знак для *o*, который был представлен в заимствованном алфавите, бирманцы использовали для передачи [ɔ], встречавшегося в составе только закрытых слогов. Поскольку сочетание знаков для *i* и *u* не несет в себе однозначного указания на качество обозначаемого гласного, бирманцы стали добавлять к сочетанию *iu* полугласный *w* с вирамом, предназначением которого было указание на огубленность обозначаемого гласного. Впервые на эту особенность комплексного знака указал Э. Пуллейблэнк [3]. Исходя из сказанного, представляется логичным при транслитерации графического обозначения гласного [o] передавать его как *iuw* (для современного языка — как *iu*), однако в западных работах его принято передавать как *uiw* (*ui*), ссылаясь на утвержденную Библиотекой Конгресса систему транслитерации для древнебирманского языка [4, р. XIV]. Мне уже приходилось писать о том, что принятая в западных работах система транслитерации не только не отражает принципа, который закладывали бирманцы при введении данного обозначения, но и приводит к некоторой путанице. Так, в древнем языке дифтонг *ai* передавался двумя равнозначными способами: с помощью специального диакритического знака, имевшегося в алфавите, и с помощью сочетания *au*. Существовала древняя финаль *iu*. Если передавать графическое отображение [o] как *ui*, то по аналогии с *ai~au* может создаться впечатление, что речь идет о вариантном написании финали *iu*, при том что в действительности это разные финали (см. об этом: [5]). Пример смешения двух финалей в результате неадекватной транслитерации находим в статье А. Н. Головастика, где автор, восприняв транслитерацию *ui* как вариант *iu*, возводит древнебирманские слова, содержавшие триграф *iuw*, к пратибетобирманским финалям, содержавшим финаль *wε* [6]. В действительности пратибетобирманской финали *wε* соответствует древнебирманская *iu*, но никак не *ui* или *iu*.

Еще одна, последняя в области открытых финалей, орфографическая реформа, которая на этот раз сопровождала реальные изменения в фонологической структуре, была осуществлена в XVI в. — переход *au* в *э*. Финаль *au*, как и финаль *ai*, в графике отражалась двумя равнозначными вариантами: с помощью соответствующей диакритики или с помощью буквы *w* с вирамом, т. е. равнозначными были варианты *au~aw*. Когда [aɥ] > [ɔ], новая финаль стала обозначаться имевшимся в инвентаре знаком для *o*, который до тех пор использовался лишь в составе закрытых финалей и, видимо, по качеству был близок к открытому *э*.

Несмотря на то что переход *ai* в *ε* не повлек за собой изменений в графике, зная время перехода *au* > *э*, мы можем определить и время возникновения финали *ε*, поскольку переход прежних дифтонгов в простые гласные скорее всего происходил в то же самое время.

Здесь уместно упомянуть о том, что существует попытка представить современный состав гласных-центральных бирманского языка как результат мон-кхмерского вли-

яния [7]. Д. Брэдли пишет, что для тибето-бирманских языков характерен 5-членный состав гласных: *i, e, a, o, u*. Для мон-кхмерских языков типичен 8-членный состав: *i, e, ε, a, ə, o, u* плюс шва. Говоря о подсистеме открытых финалей бирманского языка, мы не устанавливали в ней нейтрального гласного (шва), поскольку он не является самостоятельным членом подсистемы, а лишь замещает любой другой гласный либо даже всю финаль в составе так называемых пресиллабов, например: *tam-ta* [təda] 'мост', *pan-sho-tan* [pəshədan] 'квартал текстильщиков'. Этот гласный был представлен и в древнебирманском языке, а потому его существование не может связываться с влиянием монского языка, с которым бирманцы познакомились лишь в XI в. Что же касается гласных *ε* и *ə*, то они возникли, как было показано, только в XVI в., и при этом развились из дифтонгов *ai* и *au*. Подобное развитие считается фонологической фреквентацией и вовсе не обязательно возникает под влиянием каких-либо внешних факторов. Таким образом, попытка объяснить нынешний состав бирманских гласных влиянием монского языка не представляется убедительной.

Для сравнения приведем списки древних и современных закрытых финалей. Написание и произношение древних финалей чаще всего совпадают, в иных случаях дополнительно приводится произношение. Для современных финалей наряду с написанием даётся и произношение.

Древние	Закрытые финали	
	Написание	Произношение
<i>im</i>	<i>im</i>	<i>eŋ</i>
<i>ip</i>	<i>ip</i>	<i>eʔ</i>
<i>in</i>	<i>in</i>	<i>eŋ</i>
<i>it</i>	<i>it</i>	<i>eʔ</i>
<i>um</i>	<i>um</i>	<i>oŋ</i>
<i>up</i>	<i>up</i>	<i>oʔ</i>
<i>un</i>	<i>un</i>	<i>oŋ</i>
<i>ut</i>	<i>ut</i>	<i>oʔ</i>
<i>am</i>	<i>am</i>	<i>aŋ</i>
<i>ap</i>	<i>ap</i>	<i>aʔ</i>
<i>an</i>	<i>an</i>	<i>aŋ</i>
<i>at</i>	<i>at</i>	<i>aʔ</i>
<i>ɔŋ</i>	<i>ɔŋ</i>	<i>auŋ</i>
<i>ɔk</i>	<i>ɔk</i>	<i>auʔ</i>

<i>iun</i> [iŋ]	<i>iun</i>	<i>aiŋ</i>
<i>iuk</i> [ik]	<i>iuk</i>	<i>aiʔ</i>
<i>aŋ</i>	<i>aŋ</i>	<i>iŋ</i>
<i>ak</i>	<i>ak</i>	<i>εʔ</i>
<i>añ</i> [ieŋ]	<i>añ</i>	<i>iŋ</i>
<i>ac</i> [iet]	<i>ac</i>	<i>iʔ</i>
<i>wam</i>	<i>wam</i>	<i>uŋ</i>
<i>wap</i>	<i>wap</i>	<i>uʔ</i>
<i>wan</i>	<i>wan</i>	<i>uŋ</i>
<i>wat</i>	<i>wat</i>	<i>uʔ</i>
<i>waŋ</i>	<i>waŋ</i>	<i>wiŋ</i>
<i>wak</i>	<i>wak</i>	<i>wεʔ</i>

Из списков видно, что написание древних финалей не изменилось с давних пор, при том что их произношение изменилось радикально в области как централей, так и терминалей. Ни одна из закрытых финалей не сохранила прежнего фонетического облика. Понятно, что в ситуации, когда написание финалей с древних времен не изменилось, реконструкция периодов их эволюции представляется весьма проблематичной.

Обратившись к самому раннему аттестованному периоду развития бирманской фонологической системы, т.е. к XII в., мы обнаружим, что состав гласных-централей открытых и закрытых финалей был одинаков. Он включал лишь три простых гласных: *a*, *i*, *u*. В XIII столетии в подсистеме открытых финалей сформировались гласные *e* и *o*. Первый гласный возник в результате эволюции дифтонга *iʊ* и в графике получил обозначение *ε*; второй появился как результат независимого развития *и*, видимо, заполнил лауну в подсистеме, образовавшуюся в результате трансформации *иʊ* > *wε*, т.е. в результате перехода заднерядной финали в переднерядную — у новой финали *e* не оказалось заднерядного коррелята. Новая финаль *o* получила графическую форму *iun*. На этот период гласных *e* и *o* не было в составе закрытых финалей, но в современном языке, как видно из вышеприведенной таблицы, эти гласные представлены. Логично предположить, что, исходя из соображений сохранения симметрии в области централей между обеими подсистемами, в подсистеме закрытых финалей начался процесс формирования гласных *e* и *o*. Эти центральные сформировались на базе гласных *i* и *u* соответственно (др. б. *im* > совр. б. *eŋ* ‘дом’, др. б. *ut* > совр. б. *oʔ* ‘кирпич’). Но при этом подсистема закрытых финалей утратила такие базовые для любой фонологической системы гласные, как *i* и *u*. Гласный *i* был восстановлен в результате рефонологизации древних [ieŋ] и [iet], гласный *u* — в результате рефонологизации древних *wam*, *wan*, *wap*, *wat*. Обратим внимание на то, что гласный *i* возник также в финали *aŋ* (и ее медиализованном корреляте *waŋ*), и в данном случае эволюция центральные нарушает принцип

параллелизма эволюции коррелирующих пар (графическое *ak* реализуется как [εʔ], соответственно, следовало ожидать, что *au* приобретет форму [εŋ]). Во всех других случаях эволюция гласного в составе коррелирующих пар была одинаковой. К вопросу о возможных причинах разнонаправленной эволюции пары *au* — *ak* мы еще вернемся, сейчас же остановимся на некоторых особенностях пары финалей *wat* — *war*.

Графическая финаль *wat* имеет в современном языке два варианта произношения: [uŋ] и [ɕaŋ]. Первый вариант характерен для разговорного стиля, второй — для литературного, и именно он приводится в бирманских словарях в качестве основного, например слово «грустить», выступающее в графической форме *lwat*, может быть произнесено как [luŋ] или как [lɕaŋ]. Из приведенного выше списка закрытых финалей видно, что для финалей, завершающихся одинаковыми по месту, но разными по способу образования терминалями, характерна последовательная корреляция в эволюции — в таких финалях централи развиваются одинаково. В данном же случае финаль *war* не сохранила вслед за *wat* централи *a*, а стала реализоваться как [uʔ]. Скорее всего, это объясняется тем, что слов с финалью *war* в языке крайне мало, поэтому когда начался процесс рефонологизации финалей, содержащих централь *wa*, и переход централи в [u], они оказались вовлеченными в общую тенденцию. Этим, видимо, следует объяснять вариативное произношение финали *wat*.

Для формирования централи *i*, утраченной после рефонологизации прежней централи и перехода ее в *e*, было использовано две финали — /iet/ и /ien/. Для формирования централи *u* равнопригодными оказались четыре финали: *wan*, *wat*, *wam* и *war*. Но в случае перехода всех четырех финалей в новое качество нарушалась симметрия с подсистемой открытых финалей — в ней представлена финаль *wa*, которая исчезала в подсистеме закрытых финалей, если бы все четыре медиализованные финали стали произноситься с центральной *u*. Вероятно, это обстоятельство и спровоцировало нынешнюю ситуацию с *wat*, которая оказалась в зоне фонологической напряженности: с одной стороны, она должна в своем развитии последовать за тремя другими медиализованными финалями и реализоваться с центральной *u*, что отразилось в одном из вариантов ее произношения, а с другой стороны, она осталась «ответственной» за поддержание симметрии с подсистемой открытых финалей, что проявляется в сохранении в ее произношении централи *wa*.

Если приведенные рассуждения верны, из них следует важный вывод: эволюция центральных в закрытых финалях предшествовала падению терминалей и, следовательно, не была обусловлена эволюционными процессами, происходившими в области конечных согласных. Этот вывод важен и сам по себе, и в связи с тем, например, что «в стандартном бирманском языке конечнослоговые шумные и сонанты оказали влияние на предшествующий гласный» [2, р. 18].

Высказанное предположение об очередности эволюционных процессов в области гласных и конечных согласных не приближает нас к установлению периодов, в которые они протекали. К сожалению, малополезным оказывается здесь и чрезвычайно важный источник сведений о фонетике бирманского языка XVI в. — бирманско-китайский словарь эпохи Мин [8]. Словарь содержит около 900 бирманских слов с иероглифической транскрипцией и китайским переводом. Транскрипция весьма несовершенна. Во многих случаях она позволяет считать, что существенные изменения в фонологической системе уже произошли, однако с такой же вероятностью можно заключить, что в словаре отражено бирманское произношение, характерное для паганского периода

бирманского языка, т. е. произношение XII–XIII вв. Например, слова, записывающиеся с гласным *e*, передаются в транскрипции то как содержащие гласный *i*, то — *e*; так, слово *ne* ‘день, солнце’ и аналогичные слова, записывающиеся с *e*, передаются то с [i], то с [e]. Аналогичным образом слова, записывающиеся с *o*, передаются непоследовательно с гласными [u] или [o]. За такого рода непоследовательностью в передаче гласных можно было бы увидеть отражение процесса перехода $i > e$ и $u > o$, который действительно состоялся, и считать, что непоследовательность в транскрипции как раз отражает процесс рефонологизации централей. Однако следует принять во внимание тот факт, что гласные *e* и *o* в современном языке очень закрытые, а современное написание с *e* в некоторых словах реализуется, вопреки норме, как *i*. Поэтому непоследовательность китайской транскрипции следует скорее отнести на счет некомпетентности китайского автора, что абсолютно не уменьшает его (их) заслуг. Даже профессиональные лингвисты, не владеющие бирманским, далеко не всегда воспринимают на слух разницу между современными *i* и *e*, с одной стороны, и *u* и *o* — с другой.

Существенную помощь в установлении периодов, когда произошли изменения в области централей и терминалей, могли бы оказать тексты, содержащие малограмотные написания. Дело в том, что в современном языке в графике конечные *m* и *n* произносятся одинаково как [ŋ], а конечные *p* и *t* — как [ʔ]. Это обстоятельство приводит к ошибкам в малограмотных написаниях, где вместо положенной, допустим, *m* часто пишут *n*, и наоборот, а вместо *p* пишут *t*, и наоборот. Таким образом, если бы удалось обнаружить в текстах указанные ошибки в написаниях, можно было бы сделать вывод, что падение конечных согласных уже состоялось и, следовательно, все изменения в области централей, которые, как мы предположили выше, предшествовали падению конечных согласных, также уже произошли.

К сожалению, в имеющихся в нашем распоряжении текстах, охватывающих период до XVII в., ожидаемых ошибочных написаний не встречается. Это, однако, не является твердым свидетельством того, что до XVII в. конечные согласные сохраняли свои индивидуальные характеристики. Дело в том, что доступные тексты представляют собой надписи на каменных плитах или бронзовых колоколах. Это либо дарственные записи, либо панегирики королям. Они выполнялись под надзором образованных монахов, поэтому не содержат искомых ошибок.

Мы обратились к средневековой бирманской поэзии с надеждой, что если конечные согласные утратили свои различительные качества, то в стихах удастся обнаружить рифмующимися слоги с разными терминалями. Рифма в бирманском стихосложении включает финаль и тон, но не включает медиаль, т. е. рифмуются гласный и тон в открытых слогах или гласный с конечным согласным — в закрытых. Следовательно, если конечные согласные упали, можно будет встретить рифмующиеся *am* и *an*, *ap* и *at*, *im* и *in*, *ip* и *it* и т. д. Здесь нужно отметить, что классические инструкции по составлению стихов строго предписывают рифмовать только слоги с одинаковыми конечными согласными [9], и это правило строгойше соблюдается в классической бирманской поэзии. Любопытно и то, что в языке существует два равнозначных способа передачи конечного *m*: с помощью анусвары или с помощью буквы *ma* с вирамом. Эти способы являются равноправными с точки зрения звукоотображения, и в древних текстах одни и те же слова даже в одной надписи могли записываться то с буквой *ma* с вирамом, то с анусварой. Со временем разноречивое употребление этих двух знаков был устранен: какие-то слова стали записываться с буквой *ma* с вирамом, а какие-то (в основном

палайские заимствования) — с анусварой. В классических стихах правило не путать конечные согласные соблюдалось настолько строго, что нам не удалось обнаружить случаев рифмования слов с разными обозначениями конечного *m*: слова, содержащие *ma* с вирамом, никогда не рифмуются со словами, записывающимися с анусварой.

Несмотря на столь строгие ограничения на способы рифмования, в стихах примерно середины XVI в. обнаруживаются случаи, когда рифмуются финалы с разными терминалями. Эти случаи крайне редки, но сама возможность такого рифмования безусловно свидетельствует в пользу того, что если конечные согласные и не утратили свои различительные качества полностью, то процесс их падения уже начался. Примеры рифмования финалей с разными терминалями мы находим, в частности, в стихах классика бирманской поэзии конца XV — первой половины XVI в. Шина Маха Ратхатары [10, с. 18]. В поэзии XVII в. случаи аналогичной рифмовки все еще редки, и лишь в стихах XIX в. они встречаются довольно часто. Видимо, именно XVII столетие можно считать временем окончательного падения конечных согласных.

С учетом высказанного выше предположения о том, что процесс рефонологизации центральных предшествовал падению терминалей, можно считать, что к XVII в. система центральных приобрела свой современный вид. Проверить это может помочь анализ рифм.

Наше предположение строилось на анализе причин возникновения у финалы, отражаемой на письме как *wam*, вариантных произношений — [uŋ] и [ɕaŋ]. Когда централь /u/ перешла в /o/, на ее месте сформировалась новая централь /u/ на базе финалей /ɕaŋ/, /ɕat/, /ɕar/, /ɕam/: все они стали произноситься с центральной /u/ на месте прежней последовательности *ɕa*-. Как оказалось, при таком переходе нарушалась симметрия в области гласных между подсистемами открытых и закрытых финалей: в подсистеме открытых финалей представлена финаль /ɕa/, а в подсистеме закрытых такая централь исчезла. В этих условиях фонологическая система потребовала восстановления симметрии, и две из четырех финалей, а именно /ɕam/ и /ɕar/, оказались в зоне фонологической напряженности: с одной стороны, централь в них должны вслед за финалями /ɕaŋ/ и /ɕat/ перейти в [u], а с другой — они оказались «ответственными» за поддержание симметрии с подсистемой открытых финалей, поэтому в их произношении сохранилась централь -ɕa-.

Если наше предположение верно, то в поэзии периода, предшествовавшего времени падения конечных согласных, не должны рифмоваться такие графические финалы, как, например, *an* и *wan*, *at* и *wat*, поскольку в медиализованных вариантах этих финалей на месте графического *wa* на самом деле должна быть централь -u-. И тем не менее в поэзии мы наблюдаем неукоснительное соблюдение принципа рифмовки по написанию, а не по произношению. Такая ситуация ставит под сомнение нашу гипотезу о последовательности фонологических процессов в области закрытых финалей.

И все-таки гипотеза может оставаться в силе. Дело в том, что и в современной поэзии сохраняется принцип рифмования по написанию, а не по произношению. В современных стихах нормальными рифмами будут пары *kan* — *lwan*, *pat* — *lwat*. И это при том, что медиализованные графические финалы в приведенных примерах произносятся строго с центральной -u-. Вне стихов приведенные пары произносятся исключительно как [kaŋ] — [luŋ] и [paʔ] — [luʔ]. Отмеченное несоответствие звучания рифм было бы легко понять в случае рифм *wam* и *war*, которые могут произноситься по-разному, т. е. [ɕaŋ] ~ [uŋ] и [ɕaʔ] ~ [uʔ]. Объяснимым было бы и рифмование, напри-

мер, *kat* — *lwat*. Однако отмеченная строгость в следовании написанию, а не произношению справедлива для всех без исключения типов финалей. Таким образом, наше предположение о том, что перестройка гласных в закрытых финалях предшествовала падению конечных согласных, может оставаться в силе.

Итак, мы имеем веские основания полагать, что конечные согласные упали к XVII в. Однако это касается лишь согласных *p*, *t*, *m* и *n*. Первые два перешли в [ʔ], вторые — в [ŋ]. Но примененная методика не дает ответа на вопрос, когда конечные *k* и *s* перешли в [ʔ], а *ŋ* и *ɲ* — в [ŋ]. В отличие от прочих терминалей, у них нет коррелятов, отличающихся от приведенных по месту образования, но дающих такой же гласный, а слоги с ними даже в малограмотных написаниях будут записываться только единообразно. В такой ситуации приходится считать, что рефонологизация указанных терминалей произошла приблизительно в одно время с прочими терминалями. Существует мнение, что велярные дольше всех сохраняются в системе. Однако эта теория признается несостоятельной применительно к прототибето-бирманскому материалу [2, р. 204–205]. В любом случае, на данном этапе мы не видим способов более точной датировки рефонологизации отмеченных терминалей.

Из всего вышеизложенного можно заключить, что система закрытых финалей бирманского языка сложилась в своём нынешнем виде к XVIII столетию.

Говоря о современном состоянии звукового строя бирманского языка, мы имеем в виду то состояние, которое описывается в разного рода учебной и научной литературе и рассматривается на данном этапе как норма. Между тем, начиная с середины XX столетия в бирманской фонологической системе происходят некоторые эволюционные процессы, которые пока не попали в поле зрения исследователей. Примечательно, что эти процессы можно было бы предсказать, обратив внимание на отклонение от принципа корреляции в эволюции одной из пар финалей.

Выше отмечалось, что древняя пара *ak* — *aŋ* эволюционировала отлично от других пар, в ней развились разные централь: *ε* — в первой финали, *i* — во второй. Можно предположить, что разнонаправленная эволюция данных финалей объясняется следующими обстоятельствами.

Графические финали *as* и *aŋ* в своем развитии также демонстрируют некую особенность. Хотя обе они дали централь *i* (*/iʔ/* — */iŋ/*), графическая финаль *aŋ*, помимо отмеченного варианта, реализуется также и как */il/*, */el/* и */εl/*, причем реализация ее как открытой финали является преобладающей. Отсюда возникает количественный дисбаланс в системе между финалями с централью *i* со смычным завершением, с одной стороны, и с назальным — с другой. Некоторая «ущербность» финали с назальным завершением, вероятно, и вызвала развитие графической финали *aŋ* в сторону переднерядной для ликвидации дисбаланса, хотя ее первоначальный фонетический облик не предполагал такого развития. Что касается графической *ak*, то ее развитие определялось необходимостью соблюдения симметрии с подсистемой открытых финалей, где был представлен гласный *ε*, отсутствующий в подсистеме закрытых финалей. Поэтому эволюция *ak* > */εʔ/* выглядит логичной, несмотря на то что первоначальный фонетический облик этой финали также не предполагал подобного движения.

Так или иначе, симметрия в области подсистемы закрытых финалей оказалась нарушенной: в ней не представлен коррелят финали */εʔ/* — финаль **/εŋ/*.

В одной из статей в бирманском журнале «Литература» от 1995 г. отмечается, что в радио- и телепередачах дикторы произносят некоторые слова неверно. В частно-

сти, приводится пример высказывания, в котором есть слова, имеющие графическую форму *am* и которые должны произноситься [aŋ], но реально произносятся [ɛŋ] [11, с. 127–130]. Данное замечание, безусловно, свидетельствует о начале нового фонологического процесса в языке. На сегодняшний день, по нашим слуховым впечатлениям и наблюдениям студентов-бирманистов, эволюционные изменения в фонологической системе происходят в полном соответствии с тенденцией к достижению симметрии в области гласных между подсистемами закрытых и открытых финалей. Кроме того, налицо попытки соблюдения в подсистеме закрытых финалей принципа симметрии между коррелирующими парами финалей.

Цепочка происходящих изменений выглядит следующим образом. Поскольку финаль /aŋ/ (в графике — *am*) стала реализоваться как /ɛŋ/, ее коррелят /aʔ/ (в графике — *ap*) начал в отдельных словах реализоваться как /ɛʔ/. Такая реализация зафиксирована нами не во всех словах, а лишь в наиболее частотных, что естественно для начального этапа фонологического процесса. В частности, с абсолютной уверенностью можно говорить о том, что счетное слово для групп людей *rap*, регулярно встречающееся в средствах массовой информации в контексте «весь народ», всегда произносится с центральной -ɛ-, а не -a-, т. е. [jɛʔ]. В других словах, содержащих написание *ap*, переднерядность централи может выражаться не столь очевидно, что, видимо, зависит от дикторов, но движение [a] в сторону переднего ряда наблюдается всегда.

Однако в системе уже имеется централь -ɛ-, выражающаяся написанием *ak*. С появлением новой централи прежняя подверглась «давлению», начала процесс рефонологизации и стала реализоваться как [a]. На данный момент это лишь начало процесса, ибо пока не во всех словах с написанием *ak* централь реализуется как [a].

Следующим звеном в цепочке преобразований должна стать финаль -/iŋ/ (в графике — *aŋ*). Как коррелят *ak*, она должна приобрести форму /aŋ/, чего в действительности пока не происходит. Но если бы это произошло, то оказалось бы, что финали с велярными терминалями вернулись в области централей к своему древнему облику: др. б. *ak* — *aŋ* > XVII в. *ak* [ɛʔ] — *aŋ* [iŋ] > XX–XXI вв. *ak* [aʔ] — *aŋ* *[aŋ]. И в этом случае перед системой вновь возникла бы проблема сохранения количественного баланса между финалями с центральной -i- в слогах со смычным завершением, с одной стороны, и назальным — с другой: как уже говорилось, в отличие от финалей /iʔ/, образуемых написанием *as*, финалей /iŋ/, образуемых написанием *ai*, очень мало.

Самым загадочным в происходящих в настоящее время фонологических процессах является то, каким образом язык выделяет из большого количества финалей /aŋ/ группу, на базе которой формируется или практически уже сформировалась новая финаль /ɛŋ/. Древние терминали *t* и *n* перешли в /ŋ/ и сейчас не различаются произношением во всех финалях. Но только слоги с написанием *am* стали реализоваться с центральной -ɛ-, т. е. [ɛŋ], слоги же с написанием *an* реализуются строго как [aŋ]. Объяснить такое распределение эволюции этих финалей пока не представляется возможным.

Таким образом, в фонологической системе происходит серьезная перестройка, сравнимая с той, что имела место приблизительно в XVII в. Сформировавшаяся тогда система стала подвергаться изменениям в середине XX в., и этот процесс пока не завершен.

Литература

1. *Burling R.* Proto-Lolo Burmese. Bloomington, 1967. 101 p.
2. *Bradley D.* Proto-Loloish / Scandinavian Institute of Asian Studies. London; Malmo: Curzon Press, 1979. 452 p.
3. *Pulleyblank E. G.* An interpretation of the vowel systems of Old Chinese and of Written Burmese // *Asia Major*. London, 1963. Vol. X. Part 2.
4. *Studies in Burmese Linguistics* / Justin Watkins (ed.); Pacific Linguistics, The Australian National University. Canberra, 2005. 331 p.
5. *Yanson R. A.* A list of Old Burmese words from 12th century inscriptions // *Medieval Tibeto-Burman Languages* / C. I. Beckwith (ed.). Leiden: Brill, 2002. 190 p.
6. Головастиков А. Н. Некоторые уточнения тибето-бирманской фонетики // Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки (тезисы докладов). М., 1973.
7. *Bradley D.* Convergence between Languages in Contact: Mon-Khmer Structural Borrowing in Burmese // *Berkley Linguistics Society*. 1980. No. 6.
8. Мянъ Дэнь гуанъ лай вэнь = Документы, поступившие в императорскую палату // Институт Восточных рукописей РАН. Инв. 1953, № 224. 120 листов ксилографа.
9. Мьянма са си коун ни пхйат лан = Указания по написанию прозы и поэзии. Рангун, 1934.
10. Кабъя пан коун = Гирлянда бирманских поэм / сост. У Эй Мунг. Рангун, 1959.
11. *Маунг Пьин Си.* Натса хнин наттан = Буква и звук // Сапэй джанэ. Атуэ 3. 1959 = Журнал «Литература» [Мандалай]. 1959. Том 3.

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.